

810 Смердели их тела, от душ зловонье перло,
И плоть распутную покинули навек
Моря преступных дел, потоки красных рек.

Они возлюбят кровь, как Адриан жестокий,
Как злой Максимиан, кровавые потоки
815 На улицах прольют и так же будут впредь
И кровью исходить и заживо смердеть.
Какой мне снится сон? Неужто я предвижу
Густую алую в пыли парижской жижу,
Кровь королевскую, дарованную псам?
820 Король мой, не ценил ты крови ближних сам⁷³.

Кто может нам сказать, в какой безвестной щели
Добыл Господь червей, чтоб Ирода заели,
Дабы гонителя преследовала боль,
Как инквизитора, который в Мерендоль
825 Принес огонь костров?⁷⁴ От зверств сего монаха
Бледнели короли, не ведавшие страха,
Сей Римский Иоанн был изгнан в Авиньон,
Червями мучимый, не мог придумать он,
Как с этой быть ордой, с противником незримым,
830 Каким окуривать себя едучим дымом.
На мерзостную дичь охотился ловец,
Чтоб схоронить ее, он, сам полумертвец,
Добычу на крючке передавал клевету,
Который в ямине сжигал заразу эту,
835 Поскольку не могла земля сносить сей смрад,
Она и без того терпела древний ад.